

Слёзы Турана -12: Тяжела рука грозного Мерва

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -12: Тяжела рука грозного Мерва ТЯЖЕЛА РУКА ГРОЗНОГО МЕРВА

Великие сельджукиды происходили из огузов, которые рассеялись когда-то в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. После длительных боев с соседями кочевники утвердились в Мерве и большей части Средней Азии. Закрепляя свое положение, степные рыцари приняли ислам и тем самым стали под руку Мекки. Во многих боях и сражениях они заимствовали у мусульман военное искусство, переняли у персов культуру. Учились сельджукиды управлять обширным государством, которое сосредоточилось в XII веке под властью кочевников. Эта подвластная территория была населена разными народами и различными настроениями, которые надо было уметь подчинить единому желанию: в Византийском климате еще царствовал дух могучего Рима, а в Табористане мечтали о мести за родственников-газне-видов, только что уничтоженных сельджукидами.

Ко времени правления третьего великого сельджукида – султана Санджара в государстве был накоплен уже большой опыт для управления таким государством, которое расстиралось от волн Дуная до гор Индии. И постепенно воинственные представители кочевников стали оседать среди роскоши, подражая персидским царям, все больше пренебрегая обычаями степи. Окруженная пышными убранствами, огромным количеством слуг и юных наложниц знать тяготилась военными походами, отдавая предпочтение аирам, а не воинскому искусству, как это было при деде султана Санджара – Тогрул-беке.

И давно уже победу одерживал не меч на поле брани, а хитрецы на султанских коврах, умевшие направлять реку судьбы в нужное для них русло. Казнокрады и интриганы умели влиять на ход событий, пристально следя, чтобы чужой кетмень не повлиял на

настроение султана.

Как огромные чудовища, опутали дворец в Мерве два разных желания: хвост одного шевелился в Тайных комнатах персидской знати, а второе чудище было тюркского происхождения. Два бурных потока зародились еще во времена воинственного Тогрулбека, а потом достались в наследство Мелик-шаху; и так разыгрались, что втянули в черную игру шахиню, которая сыграла свою роль в гибели мужа...

Встретились два огненных потока и у трона Санджара.

* * *

...Визирь, эмиры, ханы и беки рассаживались в шатре по давно заведенному обычаю: с учетом должности, звания и рода.

Султан тем временем находился в соседнем шатре, в кругу самых близких. Но даже среди них он ничего не говорил о столь неожиданном совете. Санджар знал, что стоит ему проговориться о своем новом решении, и два потока, встретившись, мгновенно выбросят огненные искры.

В палату вошел векиль и известил, что высокий совет собран.

Важно, спокойно, не выдавая ничем своего волнения, Санджар сел на возвышение, застеленное коврами, сразу же став на голову выше окружающих. Подумав, он приказал визирю читать послание Арслан-хана – правителя Самарканда, которое так испортило ему настроение. Упершись рукой в пояс, Санджар внимательно изучал приближенных. Визирь встал, поклонился ему и начал громко читать фирман:

«Его величеству султану султанов от верного и преклоняющегося Арслан-хана. Зная высочайшую милость вашу по отношению ко мне и желание встретиться и увидеться со мной, так как никто из приближенных державы, помощников и опор религии и государства не находится в таком положении и месте перед вами, как я; зная про то доверие, которое султан султанов имеет к чистоте и правдивости моих взглядов и моей хорошей распорядительности, что не является тайной и не нуждается в объяснениях, – сообщаю вам, что с помощью аллаха и моих слуг, которые выслушивают все известия и вникают в мои приказания, имея похвальные манеры,

сообщаю, что в городе наступила снова тишина и покой»...

Выслушав известия своих слуг и родных о мирном положении в Самарканде, водворившемся благодаря в'оле аллаха, теперь же, соблюдая тонкости благоразумия и рассудительности, мы посылаем известие и совет, чтобы нам снова доверить власть.

Самарканд ждёт вас и готовится с почётом встретить султана султанов при счастливом сочетании звёзд...»

В шатре оживились и заговорили; Санджар еще пристальнее глядел на ханов и беков. Воины, одетые в доспехи, кому были свойственны привычки грубые, высказывались громко, потрясая оружием. Но не к ним прислушивался Санджар, зная, что сильные руки и острые мечи нужны лишь на поле битвы. Властная рука призвала к спокойствию.

– Волею Аллаха нам подсказано справедливейшее решение. Но нам хотелось бы узнать, что думают мои приближенные!.. Ибо сказано наместником аллаха на земле, что расширение границ учения пророка – дело всех правоверных.

Главный визирь понял это как знак к началу разговора. Но не улавливая истинного намерения султана, ответил ему уклончиво:

– Шкура носорога подобна дереву, и это известно всем, кто хоть раз был в Хиндустане. Но если натянуть тетиву до правого уха, то стрела пробьет его шкуру на шахский гез (Гез – мера измерения).

Говорившего перебил эмир Кумач:

– Визирь ал Фадл, – да продлит аллах ваше пребывание на земле, – говорит: умный не забывает, что шакал становится опасным, если его шкуру оцарапать стрелой!

Визирь тут же воспользовался опрометчивостью своего противника:

– Да окаменеет рука в бою у того, кто войско великого Турана считает способным справиться лишь с дикобразом, разжиревшим на заброшенной бахче. Разве мы не помним своих побед в Аравии и Византии?

Но и атабек Кумач был хитроумным и опытным бойцом в словесных поединках. Он медленно поднялся, расправляя полы халата и этим выигрывая время.

– Я хочу сказать, что силь, рванувшийся с гор, можно

остановить, но это не под силу слабому, носящему имя Самарканд! Султан султанов, повелитель вселенной двух слов не говорит. Войско уже на том берегу Джейхуна, а это, как мне кажется, один из главных признаков уже принятого решения. Мы не ради благосклонного расположения звезд над Самаркандом потеряли при переправе по три воина на каждую тысячу. Армия ждет добычи. И она ее получит!

– Повелитель вселенной ждет мудрого решения, – добавил визирь, закрепляя победу в первом поединке. – Немного нужно ума, чтобы совершить поступок безумца. Не алчность жадных должна быть советом высших, а государственная мудрость, способствующая расширению границ великих сельджукидов.

– Но разве не мудрый Низам аль-Мулк учил, что лучше отягощать походные хурджуны воинов золотом и добычей врагов, чем брать его у ремесленников и землепашцев Хорасана.

Визирь знал, что тяжелое положение хорасанцев беспокоит эмира Кумача, но ему и самому хотелось погреть руки у Самарканда. Главный визирь, только что построил новые лавки медников в этом городе, на доходы от которых хотел купить роскошный замок у берегов седого Каспия.

– Истина, указанная атабеком Мелик-шаха, свята, как любая сура корана. Но я предлагаю снять с барана не шкуру, а лишь состричь с него шерсть, которая на следующий год отрастет еще гуще. Надо не разорять походом Самарканд, а взять с него большой выкуп. О, величайший! – склоняясь, обратился визирь к султану. – Даже барсы в горах берут добычу лишь для утоления голода, оставляя остальных архаров тучнеть до другой охоты. Одни лишь презренные волки рвут добычу, обезумев от крови и жадности. В послании Арслан-хана есть истоки святой мудрости.

– Кому дано право считать воинов султана султанов волками, обезумевшими от крови и жадности? – перебил его эмир Кумач. – Не слушай его, о, могучий властелин! Устами визиря гласит сама трусость. Кто может поучать солнцеподобного?! Презрение трусам! – воскликнул Кумач, падая перед султаном на колени. Санджар милостливо коснулся рукой его головы.

– Боевые знамена гордо развернуты, мечи храбро обнажены! – продолжал Кумач. – Не дай же, мудрый султан, ломать крылья

новых боевых побед. Разве твои львы не достойны громких почестей! Что скажут в Мекке, в Дели? Что подумают в Византии? Нет, меч великих сельджуки-дов не затупился! Не приказывай же, о величайший, свертывать и позорить боевое знамя, славы и побед!

Санджар мрачно смотрел через приподнятый полог шатра на Джейхун. Он видел, как отряд всадников накинулся на старика у лодки. Видел, как блеснул на солнце топор.

«О, всесильное небо, – подумал он про себя, – ты одно вершишь судьбы... В твоих руках удел каждого. Сердце твоего раба разрывается в поисках мудрого решения. Но чувство злобы не дает мне покоя. И сладкие слова о разорении Самарканда отягощают руку, желающую отменить поход. Вознагради же меня, святое небо, правильным решением!

Санджар понимал, что землепашцы давно бы размозжили головы, закованные в шлемы. Давно бы взялись за серпы, зная, как дорого обходится содержание огромной армии. Эмир Кумач был прав – аль-Мулк учил содержать войско за счет набегов и походов, но прав и визирь: разграбив Самарканд, мы сдерем шкуру с барана. Санджар прикрыл глаза рукою. Новая мысль не давала покоя.

«Бросив войско на Самарканд, я раздавлю каракурта, который готов темной ночью забраться на мое одеяло и ужалить». Султан побледнел от этой мысли.

– Величайший! – заламывая руки, продолжал визирь, – Мелик шах – сеятель наук и ремесла, создатель академии и покровитель художеств заветал обходиться с подданными так, чтобы они воспевали своего покровителя. – Но тут же визирь понял по движению губ султана, что тот принял уже какое-то решение, и замолчал.

Понял это и эмир Кумач Он заговорил с надеждой на внимание султана:

– Боевые орлы чистят клювы. Они лишат крови и сил твоего врага. Прикажи нам, всемогущий, и славные тысячи своими мечами напишут новую страницу в книге твоей славы. Прикажи, умрем с честью за тебя!

Санджар вышел из шатра. Телохранители скатывали ковры,

разбирали шатры Стража седлала лошадей, укладывая утварь на плоты.

В ложбинке воин, украшенный шкурой барса, ловко свеживал тушу барана, подведенную за ноги к седлу верблюда. Султан, засучив рукава, взял у Ягмура нож и, завязав кожу на шее барана, вставил под нее камышинку. Натужившись, начал с силой дуть. Визирь ал Фадл подошел с серебряным тазом, наполненным водой.

– Величайший!..

– Правильно ли я понял твои желания, наш единственный, – перебил его амир Кумач, показывая на тушу, – барана надо обдирать!..

На побледневшем лице главного визиря было написано одно желание – своего противника победить, и он не уступал коварному сопернику.

– Слава меча грозного Мерва не только в страхе, мой повелитель, – вкрадчиво проговорил визирь. – Тяжела рука грозного Мерва, об этом знают в странах, где восходит солнце, и в странах, где оно садится. Но вспомни единожды сказавшего: бойся того, кто тебя боится!.. Народ Хорезма был всегда опорой твоего трона. Но крепка ли будет опора, питающаяся милостыней?

– Ал Фадл! – окликнул визиря эмир Кумач. – Мне стыдно слушать тебя. Трусость затмила твои глаза. О чем ты говоришь? Когда пес жиреет, он плохо слушает хозяина на охоте. Арслан-хан хочет восстановить Пейкенд (Пейкенд – город Средней Азии, игравший важную роль в торговле), он возводит самые крупные стены в крепостях. А крепкий орленок опора охотника, но горе ему, если вовремя не наденет на глаза хищника кожаный колпак. Владыка, голос твоих предков, славных огузов слышу я: «всякого, кто не склонит голову – настигни, разграбь, разори и сделай покорным и послушным!..»

– Но горе ослабевшему, чьи сборщики в дни великих битв уже не смогут собирать с подданных горсть золотых монет, – перебил Кумача визирь.

Санджар молчал, продолжая надувать через камышинку жирного барана. Постепенно воздух отделял шкуру от мяса.

Ягмур не отрывал глаз от султана, удивляясь его силе, ловкости и знанию своего дела.

– Держи, – приказал султан молодому воину.

Ягмур ловко перехватил камышинку, прикрывая отверстие пальцем. По лицу Санджара струился пот.

– Но Мелик-шах пожаловал титул наместника тюрк-скому рабу Ануш-Тегижу не для того, чтобы в лице Самарканда видеть своего врага, – твердил свое визирь.

Эмир перебил:

– Ты воспеваешь Самарканд, забывая про то, как часто он увозит в хурджунах золото, которое по закону должно доставаться воинам Мерва. Гнев и презрение должны бушевать в тех, кто видит, как злодей подлого происхождения был возвышен, а теперь готовит измену.

– В послании Арслан-хана мы этого не услышали, – сказал, словно подбросив дров в огонь, султан.

– Величайший, это можно прочесть в действиях горожан. Меня удивляют визири. В народе говорят: рука руку моет...

– Ты хочешь сказать: обе руки обмывают мое лицо? – отозвался султан.

Визирь побледнел еще больше. Рука его нащупала кинжал. Сторонники эмира Кумача плотнее сгруппировались около предводителя.

– Небо будет судьей, если искренность не руководит мною в эту тяжелую для государства минуту, – ответил визирь. Но и он, и все окружающие поняли, что поединок им проигран. И все-таки ал Фадл решил сопротивляться до конца. – Но разве не Арслан-хан тридцать лет подряд приезжает в Мерв на великое преклонение, щедро пополняя казну государства? Не он ли беззубой черепахой ползает перед троном, не зная, чем отблагодарить судьбу за назначение их рода на должность правителя Самарканда?

– А ты хотел, чтобы я возил подарки в Самарканд, мой славный визирь? – усмехнулся Санджар.

И эта улыбка напомнила визирю улыбку, которой султан наградил борца-победителя в ту ночь на Мургабе. Ошарашенный визирь упал на колени.

– Слава нашему непобедимому! – крикнул эмир Кумач.

– Слава! – дружно выдохнули его соратники.

– Веди нас! – подхватил эмир Кумач. – На Самарканд!

– Веди! – подхватили прислужники, и десятки мечей заискрились

над головой.

Санджар молча посмотрел на приближенных. Поднял руку. Воины успокоились, вложив мечи в ножны.

– Славные богатыри! Сегодня, благодаря небу, я узнал мысли и желания ваших отважных сердец.

– Слава тебе, опора ислама! – крикнул эмир Кумач.

– Слава! – подхватил Каймаз.

– Слава! – донеслось с ковров. Султан поднял руки к небу.

– Вижу вашу преданность. А теперь остудите разгоряченные груди соком виноградников Мерва, – султан высоко поднял резную чашу. И снова зазвенели медь и серебро, задымилось на деревянных блюдах мясо, сдобренное травами с гор богатой и далекой Армении.

Дважды выходил визирь из шатра, косясь в сторону Джейхуна. И оба раза видел, что переправа продолжалась. Из-за барханов прибывали и прибывали новые сотни и тысячи с тяжелыми бунчуками, украшенными конскими хвостами.

– Слава Аллаху! – загадочно улыбался он. – Поход состоится.

– Мой господин, – предупредил визиря, высунувшийся из шатра горбун, – будьте осторожны. Эмиры, жаждущие наживы, замышляют против вас грязные дела...

– Иди и смотри за ними, не спуская глаз. Доноси обо всем быстро...

– Все это понятно, но рядом с нами воин в барсовой шкуре.

– Знаю. Я пошлю его к переправе.

– В шатре приготовлен панцырь. Прикройте грудь.

– Спасибо, жди меня...

«Ястреб всегда бьет фазанов по одному, – зло подумал визирь, – но он боится нападать на грачей, встречающих его всей стаей. Презренный Кумач – пастух, ты считаешь, что выбил меня из седла, подарив султану этого несчастного с лицом падшей продажной женщины?.. Но мало ведь пока кто знает, что ты задумал против султана. Клянусь, в нужную минуту я обоим объявлю мат. И палач наденет на твои ноги мешки с голодными крысами!.. А ты, презренный тупоумец, не видящий дальше винного бокала ничего, ломаешь шею под клич своих железноголовых. Иди на Самарканд! И если я проиграю сегодня,

то твои силы иссякнут завтра. Грызи Самарканд! И помни, что в этой еде – яд... Кумач, любимый Кумач, мечтает о твоём, султан, троне. Да, я спорю, чтобы этим спором вызвать и подогреть поход на Самарканд, по пути к которому мой управляющий уже готовит торговые палатки. Награбленное потечёт в мои подвалы. Ты не снял шкуру с барана, что висит на верблюде, но чует моё сердце, ты бросишь её к ногам своих воинов. Я этого добьюсь, или не быть мне ал Фадлом.»– Визирь страстно поднял руки к небу.

Рядом заревел верблюд, подоспел обоз с танцовщицами. Под звуки барабанов, цимбал, чанга уже заволновались юные обнаженные тела. Аджап грациозно и выжидательно замерла в танце перед султаном. И как бы стараясь проверить настроение владыки, уколола хитруньё его сердце сладким рубай.

– Ужель и вправду мужем должно звать
того, кто не умеет жен ласкать?
Мой поцелуй, учти, в полцарства ценят,
а ты не хочешь даром целовать?

Глаза Санджара блеснули, руки с силой разломали айву, и горестная улыбка скользнула по лицу великого сельд-жукида, напоминая о Зейнаб. Подозвав визиря, Санджар что-то шепнул ему на ухо. Аджап заволновалась сильнее. После памятной ночи султан не тревожил её, но в поход все же приказал собираться. Девушка умолкла, опускаясь на ковер.

Главный визирь вошел в шатер в сопровождении горбатого воина.
– Тигр душит лань, – сказал султан. – А лань рвет цветы и траву...Таков закон неба... Пей, луноподобный! – протянул он кубок Каймазу, насмешливо посмотрев на главного визиря, не скрывавшего зависти.

У входа на ковре распластался горбун. Санджар кивком указал на Аджап и добавил:

– Мой верный слуга, твоё усердие давно заслуживает награды. И сегодня, по случаю начала нашего похода, я делаю тебе подарок. Возьми её себе! – и палец, униженный перстнями, указал на побледневшую Аджап. – Бери лучшую мою красавицу.

Санджар знал, что милость перед боем рождает у воинов большие надежды. В шатре поняли его настроение.

– Слава щедрому и непобедимому! – крикнул эмир Кумач.

– Слава!

Султан молчал. Он знал и третью тайну: эмир Кумач ненавидел Арслан-хана и со смертью его рассчитывал поставить управителем Самарканда своего старшего сына.

– О султан султанов, – снова упал к ногам эмир Кумач, поймав на себе взгляд повелителя. – Грязная нечисть подняла руку на нашу величайшую святость. Имя твое – султан Санджар, а это значит – пронизывающий копьем! Само имя должно устрашать врагов и карать неверных! Слон, познавший кровь высшего существа, должен быть умерщвлен. Ему надо немедленно вскрыть череп жезлом.

Не обращая внимания на этот лепет, Санджар вышел из шатра. От Джейхуна тянуло прохладным ветром. Слышались отдаленные крики уток и фазанов. На том берегу уже искрились тысячи костров. Но по-прежнему настороженно и глухо шумели камыши, рыдали испуганные чайки, и волны предательски похлопывали грязными ладонями обрывистые берега. Слуги из шатра вынесли ковры, разложили подушки. В костер подбросили сухого саксаула.

А Санджар долго еще смотрел в потемневшее небо с яркими звездами, и какая-то тревожная, притаенная мысль не давала покоя.

– Удивительное небо сегодня! – вздохнул он, ощупывая скрытую кольчугу.

– Оно будет еще краше, если пожары Самарканда достигнут его, – отозвался эмир Кумач.

– Ягмур! – позвал Санджар своего телохранителя. – Где воин?

– Он ждет вашего приказанья, – отозвался Каймаз, не снимая с камышинки посиневшего пальца.

– Нет его!..

– Воина в барсовой шкуре нет, – отозвался визирь, – я отослал его на переправу. – И тут же визирь понял, что снова чем-то не угодил султану.

Тяжелыми, решительными шагами Санджар подошел к туше, и одним вдохом вогнал под шкуру барана столько воздуха, что она сразу

же отделилась от мяса. Сильные руки вывернули тушу и бросили к ногам придворных скользкую шкуру...

* * *

О случившемся Ягмур узнал, вернувшись с переправы. Встревоженный событиями, он долго метался по берегу, расспрашивая про исчезнувшую Аджап. Вечером в кустах камыша он нашел тяжело избитого огуза. Около полуживого старца валялся топор. Несчастный рассказал, что воины, переправив сотника на тот берег, вернули ему лодку и стали помогать грузить скарб, но в это время налетел небольшой отряд и послышалась 'ругань.

– Именем султана!.. – Словно Дьявол кричал среди них горбун. – Будь я проклят до седьмого колена, если этот голос не вызвал во мне содрогания. Хватит того, что во имя славы султана погиб мой сын. О, будь проклят этот страшный налог кровью, который огузы платят своими воинами. – Рука схватила топор. Еще бы миг и горбун развалился на двое. Но тьма закрыла мои глаза и я очнулся в камышах. И все же хорошо помню – с горбуном была красивая девушка, дочь царского хранителя книг, который позволял читать мне книги великого Авиценны.

Черным покрывалом легло на лицо джигита большое горе.

– Будь стойким в беле, сын мой, знал я о несчастье, – сказал старик. – Не только твое сердце раздавил конь султана. Народный гнев накапливается в сердцах огузов. Послушай меня, джигит: ищи род славного богатура Чепни.

– Ты знаешь славного Чепни! – вспомнил Ягмур. – Этот человек не оставит в беде. Поеду к Чепни.

– Да пошлет тебе небо счастья и удач!

– Пусть и тебе даст небо силы, а топор поможет найти счастье и отомстить за опозоренную честь.

Становясь черным от злости, старик процедил сквозь зубы:

– Смерть султану Санджару!

Ягмур вздрогнул Оглянулся Вспомнился мастер Ай-так, дервиш абу-Муслим, Аджап, горбун... Вспомнились глаза султана, наполненные ужасом смерти... и рябое лицо его около убитого барса. И какое-то новое тягостное чувство стало овладевать им.

Невольно рука потянулась к мечу. Но губы были крепко сжаты, молчали.

Вскочив в седло, Ягмур послал коня вплавь через реку, направляясь к стойбищу воинов Чепни.

Продолжение следует >> Taryhy proza